Е.И. Каменцева, д.и.н., Москва

РУССКИЕ ПЕЧАТИ XV - XVIII ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В последние годы исследователями сфрагистических материалов основное внимание уделялось государственной печати, созданной при Иване III в конце XV в. Это и понятно, поскольку ее существованию исполнилось 500 лет.

Настоящая статья посвящается печатям XV – XVIII вв. светских учреждений, печатям духовенства, монастырей, печатям представителей приказной администрации и печатям частных лиц.

Такое направление исследования возможно благодаря коллекции матриц печатей отдела нумизматики Государственного исторического музея. Определение времени матриц печатей дано условно. Они могут быть датированы концом XV – первой третью XVIII в. Таким образом, они по времени относятся к периоду, когда стала употребляться в качестве материала письма бумага. Появление бумаги сделало возможным употребление для заверения подлинности документов прикладных печатей, оттиснутых на воске, воскомастике, дегте или смоле, а с конца XVII в. на сургуче. Прикреплялись они к документам с помощью бумажной печати. Хотя в XV в. документы скреплялись еще и вислыми восковыми печатями. Упоминались: «Печать вислая восковая» или «Печать вислая воску черного»[1].

Коллекция ГИМ сформирована по особенностям материала матриц. Все они металлические, с какой-то долей серебра. Владельцы носили их при себе на цепочках, ремешках на шее или у пояса, как брелки при часах. Для этого у печатей имеется одно петлеобразное ушко, несколько печатей имеют по два ушка.

Большинство матриц овальной или круглой формы. Некоторые матрицы имеют восьмигранную и фистонообразную форму, а также в виде щита с заострением внизу. Размер печатей очень неопределенный от 12 – 16,5 мм до 23 х 33 мм. Более поздние печати размером крупнее, больших размеров печати учреждений и духовенства.

Надписи на печатях, как правило, зеркальные. Исключения редки. Но буквы могут быть перевернуты и положены горизонтально к строке или даже вертикально. Имеются надписи, сделанные вязью. Обычно это поздние печати. Во многих надписях часть букв имеет общие мачты и полумачты. Текст наносился иногда полностью, но чаще сокращенно. В ряде случаев слова обозначались одной буквой. Сохранность матриц, в целом, неплохая. Большинство сюжетов поддаются определению, а надписи прочтению. Стертых и плохо читаемых надписей немного, как и плохо определяемых изображений.

---

[1] Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. М., Наука, 1964. Т.III. С.470, 471.

Матрицы печатей чаще, как уже упоминалось, имеют изображения и надписи на двух сторонах. Есть и односторонние. На таких матрицах печатей на оборотной стороне помещен орнаментальное украшение или выпуклое изображение религиозного содержания.

Предложенный путь деления печатей на двусторонние и односторонние не ведет к определению их принадлежности. Большие результаты можно получить, выделив печати с надписями. Среди них наибольшую информационную ценность имеют печати с указанием на их принадлежность. Может быть указано наименование учреждения или имя владельца печати. Из 97 экземпляров таких печатей оказалось 46 единиц, то есть приблизительно половина коллекции. Изучение печатей с надписями ведет к их делению на три группы – печати светских учреждений (приказов), печати духовных корпораций и духовенства, печати светских должностных и частных лиц.

Среди печатей первой группы – печатей светских учреждений – назовем, прежде всего, печати внутренних таможен (Ил. 1). Печати внутренних таможен относятся к категории наиболее изученных печатей по их оттискам. Они имеют достаточную литературу, которая дает представление об особенностях таможенных печатей, их назначении[2]. Матрицы таможенных печатей коллекции по размерам самые крупные, чаще круглой формы (23 х 23 мм). Изображения на них обычно отсутствуют. Надписи на некоторых сделаны вязью. Все таможенные печати являются месячными, т.е. на них указан месяц. А поскольку известно, что месячные печати появляются во второй половине XVII в., то и следовательно датировать их можно второй половиной XVII в. – первой половиной XVIII в. В 1753 г. внутренние таможни были ликвидированы. Основная пошлина с продажи товаров – тамга – бралась при провозе в таможне. Товар при этом запечатывался, а торговец, везущий его для продажи в другой город, получал таможенную выпись с подробным описанием и оценкой товара. Таможенная выпись предъявлялась по дороге и на месте продажи товара, она освобождала продавца от повторного платежа. Стремление к избежанию подлогов привело к введению специальных печатей для удостоверения подлинности выдаваемых выписей, заверенных печатью. Первоначально на печатях указывалось лишь название таможни, затем начали помещать год печати. Такие печати требовали ежегодной замены. Как упоминалось, со второй половины XVII в. появляются месячные таможенные печати. В каждой таможне таких печатей должно было быть по числу месяцев в году – двенадцать. Месячная печать удостоверяла не только содержание выписи, но и ее дату. Часть таможенных печатей имеет указание на месяц и год. Такие месячные печати следовало менять ежегодно.

Примером печати является печать с надписью «Новопостроенного города Дмитровского печать». Она имеет указание на месяц ноябрь и

---

[2] ***Демидова Н.Ф.*** Русские таможенные печати XVII – XVIII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С.171-195.

год 1700 на одной стороне и декабрь 1700 – на другой[3]. Такой же печатью, но без указания года является двусторонняя печать села Даниловского, с надписями на одной стороне – месяц ноябрь, на другой – месяц декабрь[4]. Аналогичны печати месяцев ноябрь и декабрь таможни города Черавского[5] и месяцев октябрь и ноябрь Белоколотской таможни[6].

К этой группе печатей может быть отнесена печать Сытного двора. Печать односторонняя с изображениями трех рыб и круговой надписью «Печать великов. госуд. Сытного двора». Печать довольно крупная – 20 х 24 мм. Сытный двор наряду с хлебным, кормовым, житенным ведал продовольствием царского дворца и находился в ведении Приказа Большого дворца, обслуживавшего царский двор. В нем было сосредоточено все управление большим и сложным дворцовым хозяйством как в Москве, так и в дворцовых селах и волостях, разбросанных по всей территории страны. Печать могла действовать все время существования Сытного двора с середины XVI в и по начало XVIII в. Изготовлена она, по всей вероятности, в XVI в. На это указывает начертание букв надписи[7]. Интересной особенностью матрицы печати является ее совпадение с печатью кормового двора, что дает возможность предположения о ее поддельности. Но когда подделка сделана и для чего? Ответа нет.

Следующая группа печатей – печати духовных корпораций и духовенства. Эта группа печатей также обычно содержит сведения для их определения. Среди печатей – печати высших деятелей церковной иерархии, печати игуменов и других лиц монастырской администрации, а также печати церковнослужителей. Следует назвать здесь, прежде всего, – печать митрополита Киприяна (Ил. 2). Печать имеет круговую надпись:«Божиею милостию смеренный преосвященный Киприян митрополит Сарский и Подонский». В центре помещена благословляющая рука[8]. Киприян – крупный деятель первой четверти XVII в. В начале второго десятилетия XVII в.он являлся архимандритом Хутынского монастыря и возглавлял в 1613 г. посольство новгородцев в Выборг в связи с переговорами со шведами о приглашении на русский трон королевича Карла-Филиппа, а затем Хутынский архимандрит благословил отказ русских целовать крест шведскому королю, поехал с другими новгородцами в Москву с повинной, прося о прощении за измену. Результат посольства для новгородцев был успешным, но шведы, узнав о посольстве, не простили их поездку в Москву. Особенно пострадал Киприян: его били на правеже до полусмерти, морили голодом и холодом[9].

---

[3] 93369/КП – 81693.
[4] 93366/КП – 817022.
[5] 93366/КП – 816994, п-2909
[6] 93366/КП – 817015, п-2914.
[7] 93366/КП – 817000.
[8] 93366/КП – 817026.
[9] ***Соловьев С.М.*** История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С.76.

В конце 1620 г. Киприян назначается архиепископом в Сибирь и известен как первый сибирский архиепископ. В Сибири с именем Киприяна связывается начало составления сибирских летописей. Прибыв в 1621 г. в Тобольск, Киприян, прежде всего, вспомнил Ермака и его товарищей как возможных патронов новой архиепископской кафедры и отдал распоряжение о сборе сведений о походе Ермака. В ответ казаки «принисоша к нему написание како приидоша в Сибирь, и где у них бои были, и где казаков и какова у них именем убили». На основании этого в Тобольске был составлен Синодик, в котором описывались подвиги Ермака и казаков и содержались имена погибших в борьбе за присоединение Сибири.

В Сибири Киприян оставался до ноября 1624 г. Из Тобольска Киприяна перевели 14 ноября 1624 г. на митрополию Сарскую и Подонскую, а с 20 октября 1626 г. он переведен на митрополию Новгородскую и Великолуцкую. Умер Киприян в 1634 г.

Следовательно печать Киприяна, на которой указано, что он митрополит Сарский и Подонский, можно датировать ноябрем 1624 г. – октябрем 1626 г. Печать, таким образом, точно определяется во времени.

Далее назовем печати монастырей, игуменов монастырей и лиц монастырской администрации. В монастырях могло быть, по крайней мере, три печати – игумена, келаря и казначея. В приходо-расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря указано «За три печати серебряных за игуменскую да за келарскую да за казначееву дал 10 алтын»[10]. Кроме этих печатей, свои печати имели старцы.

Для подавляющего большинства печатей, имеющих отношение к духовенству, характерно изображение на них ключа. Ключ, как определенный символ, употребляемый духовенством, связан с апостолом Петром – первым наставником и ключедержателем. Не исключено помещение ключа на печатях и по должности. Ключарь – священник, ведавший ризницей и церковной утварью соборной церкви или ключник, заведующий «ключами», т.е. частью монастырских вотчин. Помещение на печатях духовенства ключа в сфрагистической литературе, как об обычной эмблеме, не отмечалось. В книге А.Б. Лакиера сказано: «если духовное лицо занимало какую-нибудь особенную должность, то на печати помещалась и ее эмблема. Так, на печати ключаря был изображен ключ»[11]. Там же указано о помещении ключа в гербе патриарха Никона[12], как на одну из эмблем.

На матрицах печатей духовенства изображение ключа помещается довольно часто. Печатями с изображением ключей – печать Кириллова монастыря села Петровского и печать Троицкого Кривоезерского монастыря, которая интересна еще и тем, что она имеет дату – 1731 г.[13]. Кривоезерская пустынь у г. Юрьевца Повольского основана в 1648 г.

---

[10] Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 109.
[11] ***Лакиер А.Б.*** Русская геральдика. М.: Книга, 1990. С. 110.
[12] Там же. Таблица X.
[13] 93366/КП – 816979.

Монастырские печати могли иметь и такие надписи – «Печать Печерского монастыря». Из надписи неясно, какого?[14]

Можно предположить, что к монастырским печатям относятся и некоторые печати без указания названия монастыря. Такой печатью является печать, содержащая изображение ключа и надпись: «Печать казенная»[15]. Здесь, прежде всего, на принадлежность монастырю указывает слово «казенная», подтверждает же принадлежность изображение ключа. Но со словом «казенная» есть и печать без изображения ключа с изображением «птички» и буквы «П». На лицевой стороне этой печати помещена надпись «Печать казенная» и щит с неясным изображением[16]. С определенной долей вероятности она также относится к числу монастырских.

Несколько матриц печатей принадлежали настоятелям монастырей. Из них две печати представляют наибольший интерес, т.к. они содержат указание на имена, по которым определяется не только их принадлежность, но и их время. Такова печать Нижегородского Печерского монастыря келаря[17] и игумена Александра Алаторца с изображением креста и не совсем ясными по значению буквами вокруг креста[18] (Ил. 3).

По сведениям П. Строева, Александр Алаторец архиерейского дома Нижегородского епархии игумен в январе 1714 г.[19] На печати, как сказано выше, он назван игуменом Печерского Нижегородского монастыря. Однако среди игуменов этого монастыря Александр Алаторец не значится. Но с начала 1702 г. по 1706 г. в книге П. Строева пробел. Вполне вероятно, что к этому периоду может быть отнесено его игуменство в Печерском Нижегородском монастыре. Таким образом, печать игумена Александра Алаторца датируется началом XVIII в.

Печать игумена Александра Алаторца интересна еще и своей эмблемой. На печати изображен крест, напоминающий по форме крест, встречающийся на суздальско-нижегородских монетах конца XIV в. Вероятно, Нижегородский Печерский монастырь сохранил старые традиции, которые передавались с печати на печать.

Вторая печать имеет надпись на лицевой стороне: «Печать домовная Николы Чудотворца подо Острова»[20]. На обороте изображена человеческая фигура в длинном одеянии. По кругу печати надпись: «Никольского монастыря игумен Мисаила» (Ил. 4), т.е. указано, кто изображен на печати. К сожалению, П. Строев не указывает на даты его игуменства. В 1764 г. Островский Никольский монастырь был упразднен. По внешним данным – размеру печати (25 х 25 мм), особенностям надписи печать Мисаила может быть отнесена к первой половине XVIII в.

---

[14] 93366/КП – 817025.
[15] 93366/КП – 816990.
[16] 93366/КП – 817005.
[17] Келарь – помощник игумена, ведавший хозяйством монастыря.
[18] 93366/КП – 816969.
[19] ***Строев П.*** Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб, 1877.
[20] 93366/КП – 817003.

К этой же группе печатей относится печать с изображением ключа и букв «И – НА[21]» (игумена? – Е.К.), но печать не несет указания ни на имя игумена, ни на название монастыря.

К монастырским печатям относится и печати лиц монастырской администрации. На них также изображался ключ. Такой печатью является печать казначея Ипатьевского монастыря[22]. Заметим, что печатями без указания на конкретных лиц практически в монастыре могли пользоваться без ограничения времени. Пока существовал монастырь или она не стерлась, или не потерялась.

К монастырским печатям относятся и печати старцев, ведавших одной из отраслей монастырского хозяйства. Некоторые из них имели указания на монастыри, старцами которых они были. Такими печатями являются две печати – первая старца Спасского монастыря Филарета. На обороте печати имеется изображение ключа и букв «К – Ч; С – Ф – Т», то есть ключ старца Филарета[23]. Вторая печать Кириллова монастыря старца Варлама. На другой стороне ключ и буквы «К – Ч Л», то есть обозначено буквами слово «Ключ»[24]. Остальные печати старцев не имеют указаний на монастырь и о принадлежности их можно лишь предполагать. Среди них печать старца Измаила Будняева[25] с изображением ключа, печать старца Изосима с изображением на оборотной стороне льва, о чем свидетельствует соответствующая надпись[26].

Две печати принадлежали священнослужителям. Первая печать с изображением ключа и надписью: «Печать иерея Артемия Куприяновых»[27] и вторая печать с изображением двух человеческих фигур и надписью: «Печать попа Федора»[28]. И наконец, сюда же относятся две печати особого назначения. Первая печать – на лицевой стороне ее изображен ключ, а по сторонам горизонтальная надпись: «Печать попа Данила Анисимова». На оборотной стороне горизонтальная же надпись в семь строк: «Пожаловать причастить с[вя]т[ы]х Христовых тайн. Поп Данило челом бьет»[29].

Вторая печать на лицевой стороне имеет надпись: «Печать Тихвинского иерея Евстигнея. Пожаловать сподобить святых т[айн]». На оборотной стороне в центре ключ и буквы по сторонам «П – Т, IЕ – ПО, С – Т», то есть «печать Тихвинского иерея. Пожаловать сподобить святых тайн»[30].

Печати имеют совпадающие тексты. Они определяют их назначение.

---

[21] 93366/КП – 816972.
[22] 93366/КП – 817033.
[23] 93366/КП – 817032.
[24] 93366/КП – 817009.
[25] 93366/КП – 817023.
[26] 93366/КП – 817011.
[27] 93366/КП – 816962.
[28] 93366/КП – 817013.
[29] 93366/КП – 817006.
[30] 93366/КП – 817029.

Первая печать в конце XVIII – первой половине XIX в. находилась в собрании памятников древнего церковного и гражданского быта русского музея П.Ф. Карабанова, находившегося в Москве, на Петровке. Собрание распалось после смерти коллекционера в середине XIX в., но в 1849 г. собрание описал и издал Г. Филимонов[31]. В издании эта печать опубликована. Вероятно, по изданию печать стала известна А.Б. Лакиеру. Назначение ее он раскрыл следующим образом: «...употреблялись духовенством печати, которые были назначены для известной именно цели; так напр. сохранилась печать, которая заменяла нынешние исповедные свидетельства, даваемые в одном приходе для допущения к причащению св. Тайн в другом»[32].

В заключение следует отметить отсутствие среди оттисков печатей на документах печатей с изображением ключа. Вероятно, оттиск печати осуществлялся стороной, где его не было.

Последняя группа матриц печатей коллекции Отдела нумизматики ГИМ – печати должностных лиц светской администрации и частных лиц. Эти печати представляют особый интерес. В то же время эта группа наиболее трудна для исследования из-за краткости надписей, а часто и из-за полного их отсутствия. Прежде всего необходимо отметить в коллекции нет удельных княжеских печатей. Первое, что бросается в глаза, это многообразие изображений. Их значительно больше, чем на монетах. И это понятно, т.к. за XV, XVI, XVII вв. прошло по крайней мере девять поколений и многие сотни, а может быть, тысячи русских людей имели свои печати, а некоторые имели и не одну печать. Печати не тиражировались и не должны были повторяться.

К этой группе относятся наиболее древние печати. Они определяются меньшими размерами, овальной формой и архаичностью графики надписей. Среди печатей этой группы есть печати, связанные с деятелями, известными по другим источникам. Такой печатью является печать князя Бориса Михайловича Лыкова – боярина и воеводы, известного деятеля событий первой трети XVII в.

Свою службу Б.М. Лыков начал у царя Федора Ивановича. Борис Годунов считал его своим врагом. В начале XVII в. он был членом Боярской думы. При В.И. Шуйском, являясь воеводой, принимал участие в походах против Болотникова и Лжедмитрия II, против тушинцев. В конце правления В.И. Шуйского участвовал в заговорах против него.

Большую известность он приобрел после свержения В.И. Шуйского, когда вошел в состав «седьмочисленных бояр» – семибоярщины, признавшей русским царем сына Сигизмунда III – Владислава. В боярском правительстве Б.М. Лыков представлял совместно с Иваном Никитичем Романовым группу Романовых. После воцарения Михаила Федоровича Романова

---

[31] ***Филимонов Г.*** Описание памятников древнего церковного и гражданского быта русского музея П. Карабанова. М., Университетская типография, 1849.

[32] ***Лакиер А.Б***. Указ. соч. С. 110.

в 1614-1616 гг. Б.М. Лыков принимал участие в действиях против казаков, а в 1617-1618 гг. в числе других воевод и бояр против Владислава.

При Михаиле Федоровиче он входит в состав придворной знати. Достаточно активная деятельность не мешала Б.М. Лыкову вести местнические споры. Так, в 1613-14 гг. он не хотел уступать родному дяде царя – Ивану Никитичу Романову, когда приглашался к царскому столу. Уступив в первый раз в 1613 г., он в 1614 г. несмотря на уговоры не сел за стол и уехал домой. За ним два раза посылали, но получили ответ: «готов ехать к казни, а меньши Ивана Никитича мне не бывать».

В начале 30-х гг. XVII в. Б.М. Лыков с Д.М. Черкасским посылаются на литовский рубеж к Дорогобужу и Смоленску, однако, они не поладили и Д.М. Черкассикй начал бить челом на Б.М. Лыкова, что он, Б.М. Лыков, быть в товарищах с ним не хочет. Говорилось о его «бездельной гордости и упрямстве», к тому времени Б.М. Лыков был немолод и служил по его словам уже 40 лет. В результате Б.М. Лыков и Д.М. Черкасский были заменены М.Б. Шеиновым и А. Измайловым, а Б.М. Лыков должен был уплатить Д.М. Черкасскому бесчестье – его оклад вдвое – 1200 р. В 1634 г. Б.М. Лыков вместе с окольничем Коробьиным и Чудовским архимандритом Феодосием собирали запросные и пятинные деньги на ведение военных действий против польского короля. На этом сведения о нем обрываются. Вероятно, он умер[33].

Итак, печать Бориса Михайловича Лыкова датируется концом XVI – первой третью XVII в. Печать серебряная со сканью и зернью. Но вид самой печати вызывает удивление. Такое впечатление, что она дефектна и основная ее часть утрачена, может быть, это был камень. После его потери по основанию печати не очень умело процарапали зеркальную надпись, указывающую на владельца. Крайне сомнительно, можно ли было ею пользоваться? Но форма букв надписи позволяет отнести ее к концу XVI – началу XVII вв. Вполне вероятно, что основная часть печати была утеряна уже у ее владельца. Печать эта в конце XVIII – первой половине XIX в. находилась в собрании П.Ф. Карабанова и в 1849 г. была опубликована Г. Филимоновым. В то время она имела тот же вид, но с нею была цепочка, утраченная впоследствии[34].

Обратимся к другим печатям этой группы. Значительное их число не имеет указания на имя владельца. Из них на части печатей помещен текст, который сейчас может восприниматься как поговорка и использоваться как своего рода девиз. На матрицах печатей их четыре: «Печать на умново – крепость»[35], или более короткая надпись: «Печать на умново», «Печать не

---

[33] Очерки истории СССР. Конец XV в. – начало XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.547, 548, 596; Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1960. Кн. IV. С.393, 398, 477, 493, 533, 534; Кн. V. С.28-30, 46, 104, 106, 107, 162, 163, 169, 263.

[34] ***Филимонов Г.*** Указ. соч. Таблица XXIX, рис.7.

[35] 93366/КП – 816974.

возьми не твоя»[36], «Печать на доброво человека»[37] и «Зри, смотри, люби (далее неразборчиво, возможно) не проклинай»[38].

Подобные надписи, судя по коллекции матриц печатей, были достаточно частым явлением. На печатях они помещались полностью или слова могли писаться сокращенно. Если печать односторонняя, надпись располагалась вокруг изображения печати, если двусторонняя – на оборотной стороне. С определенным изображением печати эти надписи не связывались. Их помещали на свои печати разные люди.

Известно описание печатей, составленное в середине XVII в. Оно представляет определенный интерес, поскольку помогает проанализировать матрицы печатей с недостаточной информацией. Описание возникло следующим образом. В 1639 г. приказ Устюжской четверти поручил устюжскому воеводе Михаилу Ивановичу Спешневу произвести дозор в Устюге Великом, то есть проверить посильность обложения населения налогами. В помощь воеводе из Москвы послали подьячего приказа Устюжской четверти Павла Давыдова. В ходе их работы обнаружилось расхождение во взглядах на порученную работу. Воевода Спешнев вел дозор в интересах наиболее богатой части посадских людей, подьячий Павел Давыдов стал на защиту бедноты. Дозорщики поссорились. Павел Давыдов заболел и фактически отошел от дозора, а затем был вызван в Москву. Вскоре умер воевода Спешнев. Материалы дозора были упакованы в корзины, запечатаны печатями и доставлены в Москву. В Москве в приказе Устюжской четверти эти материалы и печати на корзинах были осмотрены и описаны. В описи говорилось следующее: «Да протопоп уже з братьею привезли 6 коробей запечатаны, а сказали они, протопоп Василей з братьею, что де в тех коробьях дозорные книги Михаила Спешнева, да Павла Давыдова и всякие дозорные дела; а каковы печати у тех коробей, и тому роспись: Две коробьи, а у них печати: и зверь лев стоячий; и про тое печать протопоп Василей з братьею сказали, что та печать Михаила Спешнева. Коробья за двемя печатьми – одна печать, сказали, Емельяна Спешнева (сына умершего воеводы – Е.К.) тот же лев, что и у мешечка, а другая печать – дерево, а под ним человек с луком, а по другую сторону зверек, и та печать подьячего Алексея Маркова. Коробья за двемя же печатьми – одна печать та же, что и у мешечка – лев, кругом его книжные слова, и та де печать Емельяна ж Спешнева, а другая печать: голова человеческая; а сказали про нее протопоп з братьею, что она подьячего Федора Каменского. Коробья за двемя же печатьми – одна печать та же, что и у мешечка – лев, а около его книжные слова, а другая печать голова человеческая; а сказали про нее протопоп Василей з братьею, что та печать подьячего Федора Каменского. Да к тем же ко всем шти коробьям по государеву указу воевода Ондрей Васильевич Волынской, да Иван Протасов, да устюжской протопоп

[36] 93366/КП – 817513.
[37] 93366/КП – 816976.
[38] 93366/КП – 817016.

Василей, да протодьякон Гаврило, да ключарь Иван печати свои приложили. И воеводы Ондрея Васильевича Волынского печать – птица попугай на древце, Ивана Протасова – птичка, а около ее травка, протопопа Василья печать – имя его написано, протодьякона Гаврилы печать – лёвик (львиная голова – Е.К.), а на нем древо, ключаря Ивана печать – имя ево, Иваново, написано»[39].

Описание печатей дает возможность получить представление о терминологии XVII в. – названиях изображений, о большом их разнообразии и предположить, как в XVII в. обозначали тексты, помещенные на печатях – «книжные слова». Как понять определение – «книжные слова»? Книжник – мудрец, ученый. «Слова» – поучение, смысл, закон. В целом – мудрое поучение. К надписям на матрицах печатей это определние вполне подходит.

В коллекции матриц есть две печати по типу сходные с описанием печати Емельяна Спешнева. На них изображено четвероногое животное, а вокруг надпись: «Печать не возьми не твоя». Надписи отличаются архаичностью, особенно на первой печати. Обе печати без имени владельца. Такими печатями могли пользоваться несколько поколений.

«Книжные слова» иногда встречаются и в описаниях печатей опубликованных актов. Так духовная начала XVI в. скреплена печатью, по кругу которой сделана надпись: «На безумного сторож»[40]. Чем можно объяснить редкость таких печатей среди оттисков? Вероятно тем, что надписи чаще помещались на оборотной стороне печати, а на документах оттискивали печать лицевой стороны с изображением.

Обратим внимание еще на одну особенность приведенного описания печатей должностных лиц – неповторяемость изображений. Каждый упомянутый в описи имел свой сюжет для изображения на печати. В коллекции матриц печатей также большое их разнообразие. Тем не менее, удается выделить аналогичные печати. Причем, нет никаких данных о принадлежности их одному и тому же лицу. Были излюбленные сюжеты, которые чаще других помещались на печатях. В разных видах изображались птицы – 11 печатей коллекции. Среди них: гусь[41], страус[42], павлин[43]. Есть печати с «птичкой»[44]. Добавим, что в описании печатей еще назван попугай. Все они принадлежали разным лицам и относятся к разному времени. Их выполняли разные мастера. «Птичка» – один из частых сюжетов монет конца XIV – XV вв.

Вторым, не менее, а может быть, даже более распространенным сюжетом является четвероногое животное – 8 печатей коллекции матриц. Четвероногое животное изображалось с длинным загнутым хвостом и подня-

---

[39] ***Веселовский С.Б.*** Акты писцового дела. М., 1917. Т.II. Вып.1. С.401.
[40] Акты социально-экономической истории… Т.III. С.456.
[41] 93366/КП – 816984.
[42] 93366/КП – 817019.
[43] 93366/КП – 816993.
[44] 97257/КП – 1017499.

той лапой. В разных исполнениях изображение напоминало собаку (Ил. 5)[45]. В изданиях актов оно также встречается часто и называется скачущей собакой или зверем. Аналогичное изображение нередко помещалось и на монетах XV в. Печати с четвероногим животным могут иметь указание на имя владельца. Могут быть печати и без имени или иметь «книжные слова»: «Печать доброго человека»; «Печать не возьми не твоя».

Изображение четвероногого животного – собаки или зверя – отличается от изображения льва на трех печатях. Одна из них имеет выпуклое изображение[46], вторая нами уже упоминалась, как печать старца Изосима[47] с уточняющей изображение надписью – «лев» и третья печать с изображением на щите под короной льва с мечем и надписью: «печать умнова крепость»[48].

В отличие от обычной округлой или овальной формы две печати имеют восьмигранную форму также с «книжными словами»: «печать на умнова». На них одинаковые изображения – двух человеческих фигур – мужчины и женщины в европейском платье. Мужчина поднимает кубок[49] (Ил. 6-7). На одной из печатей дополнительно изображен ключ. Печати, вероятно, изготовлялись одним мастером, но принадлежали разным лицам.

Аналогичный рисунок встречаем в качестве водяного знака на бумаге второй половины XVII в.[50] Твердо решить вряд ли возможно, где раньше он появился: на печати или в качестве водяного знака. Можно лишь предположить, что скорее в качестве водяного знака.

Достаточно распространенным было еще одно изображение, хорошо известное по оттискам печатей – «суд царя Соломона»[51]. К царю Соломону пришли две женщины с ребенком. Каждая говорила, что ребенок ее. Соломон предложил разрезать ребенка пополам. Обманщица на это согласилась и тем выдала себя. Одна из печатей круглой формы имеет «книжные слова»: «печать на умнова крепость». Три печати – восьмигранные. Все печати без имени владельца.

Есть еще один повторяющийся сюжет – изображение воина с копьем, саблей и щитом[52] – на трех печатях изображено копье и на шести – сабля. Второй сюжет имеет дополнение – изображение арбалета, птицы или дерева[53]. К этим же печатям примыкает одна печать с изображением головы воина[54]. Печати могут содержать указание на имя владельца, но могут быть и без имени. На нескольких печатях имеются «книжные слова».

---

[45] 97257/КП – 101753; 93366/КП – 816957.
[46] 93366/КП – 816960, п-2904.
[47] 93366/КП – 817011.
[48] 93366/КП – 817018, п-2915.
[49] 97257/КП – 1017505; 93366/КП – 817031.
[50] ***Дианова Т.В.***, ***Костюхина Л.М.*** Водяные знаки рукописей XVII в. (По материалам Отдела рукописей ГИМ). М., 1980.
[51] 93366/КП – 816951; 816950, 816952.
[52] 93366/КП – 816985.
[53] 97257/КП – 1017496; 97257/КП – 1017508; 93366/КП – 816988, п-2928.
[54] 93366/КП – 816992.

На четырех печатях изображен всадник с саблей или копьем[55]. О распространенности этих изображений на печатях и монетах говорить не приходится. По времени они могут относиться к XVI – XVII вв. Остальные матрицы печатей имеют в качестве изображений неповторяющиеся сюжеты: скачущий конь[56], конь и три крепостных башни под двумя птичками[57], единорог и дерево, по сторонам которого два животных стоят на задних лапах[58]; мифологические животные и птицы[59], вепрь[60], два креста, соединенные треугольником[61] (Ил. 8).

И наконец, предположительно к этой группе печатей относятся две печати с надписями: «Печать Денисьева Старчева»[62] с изображением четвероногого животного и Семена Старчева с изображением сидящего под деревом человека с посохом[63]. Эти печати отнесены к этой группе предположительно из-за неясности истолкования слова «Старчева». Печати могут датироваться XV – XVI вв. Они небольшого размера и отличаются архаичностью надписей.

Такова коллекция матриц печатей Отдела нумизматики ГИМ. Остается подвести итоги значению коллекции как историческому источнику, выделив несколько общих проблем, вытекающих из их анализа.

Прежде всего, встает вопрос – перешла ли эмблематика печатей на гербы XVIII – начала XX в.? Ответ на этот вопрос приходится дать отрицательный. Причин могло быть много. Одна из них – утрата связи поколений. Кроме того, печати, их эмблемы не связывались с родом, отражая чаще личные качества владельца печати. Печати без указания на имя владельца могли служить многим поколениям, но и в этом случае печати не связывались с родом и не перешли в эмблематику родовых гербов. Этот вопрос и для геральдики важен, свидетельствуя о привнесении в Россию геральдики из Западной Европы.

Наличие двусторонних матриц ставит вопрос, как они использовались. Из многочисленных публикаций актов известно, что двумя оттисками печати одного и того же лица документы не скреплялись. Вероятно, одну сторону матрицы следует рассматривать как обозначение принадлежности матрицы печати, а вторая использовалась для оттискивания печати (вспомним печати с ключами). Но нельзя отрицать и другую возможность. На документе оттискивалась та сторона, которая попадалась под руку, так как чаще всего обе стороны свидетельствовали о принадлежности печати. Относится это к печатям более поздним.

---

[55] 93366/КП – 817017; 93366/КП – 816991, п-2934.
[56] 97257/КП – 1017509, п-2920.
[57] 93366/КП – 816978, п-2931.
[58] 97257/КП – 1017501.
[59] 93366/КП – 817021.
[60] 93366/КП – 816961, п-2960.
[61] 93366/КП – 817008.
[62] 97257/КП – 1017495.
[63] 93366/КП – 816962.

Матрицы печатей ставят вопрос, насколько широко использовались геммы в качестве печатей? Не отрицая возможность их использования отметим, что гемма в качестве печати должна быть обязательно вырезана вглубь изображением, то есть быть инталией. Поскольку для последующих поколений интерес к ним выражался не столько в том, что она печать, а в самом камне, то и возможности утраты этих печатей значительно больше. Несомненно и другое – по образцам гемм местные резчики вырезали печати на металле. По оттискам же на документах нельзя утверждать, какой печатью она оттиснута, резаным камнем-инталией или печатью металлической. О широком употреблении резаных на на металле печатях позволяет судить коллекция матриц печатей, являющаяся предметом изучения в настоящей статье.

Продолжение изучения печатей несомненно даст новые сведения о печатях XV – XVIII вв. Прежде всего стоит задача дальнейшей идентификации печатей с конкретными лицами и определение времени печатей. Интересно сравнить изображения на печатях с изображениями на монетах. Следует решить – печати или монеты стали раньше употреблять определенный сюжет.

Надо продолжить поиски матриц печатей XV – XVIII вв., подключив периферийные музеи. Многое могло бы дать сравнение печатей коллекции отдела нумизматики ГИМ с перстневыми печатями, если таковые существуют в натуре, а не упоминаются в духовных завещаниях.

Безусловно даст интересные результаты исследование символики сюжетов печатей. Сейчас мы невольно объясняем их с понятий современности. Но на разных этапах развития человеческого общества эмблемы могли иметь разные толкования, соответствовавшие мировоззрению времени создания печатей.

Печати в совокупности с другими источниками (монеты, литературные произведения, иконографический материал) могут многое дать для понимания мышления времени создания печатей. Вряд ли можно согласиться, что на печатях помещались случайные изображения. Это было эволюционное развитие, прерванное реформами XVIII в.

И последнее. Значение коллекции матриц печатей трудно переоценить для исследования проблем сфрагистики. Она во многом меняет наше представление о печатях XV – XVIII вв.

Ил. 1.

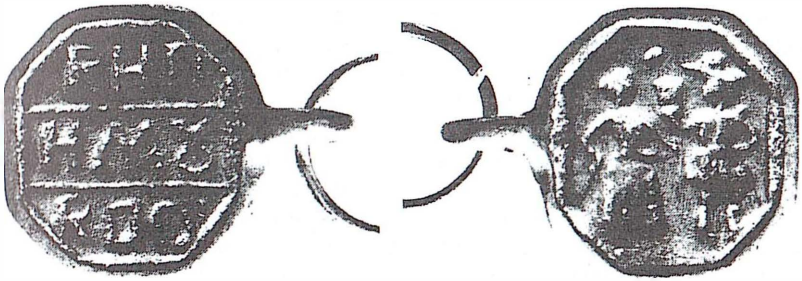
Ил. 2.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 5.

Ил. 8.



Ил. 6-7.